КРИТИКА
И СЕМИОТИКА

Научная статья

УДК 80; 93
DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-32-63

Механизмы конструирования национальной истории и исторической памяти в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци

Сурен Тигранович Золян

Российско-Армянский университет
Ереван, Армения
surenzolyan@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4422-5792

Аннотация

Создание национальных историй принято считать характерной чертой современности, связанной с процессами образования национальных государств. Эти истории призваны проследить происхождение нации до мифологизированной древности и легитимировать существование национального государства. Между тем «История Армении» Мовсеса Хоренаци показывает, что подобные нарративные практики могли возникнуть еще в раннем Средневековье. Историческая память репрезентирует прошлое с помощью семиотических инструментов. Предполагается, что помимо исторического контекста действуют принципы исторической наррации и семантизации, придающие осмысленность описываемым событиям. Так, первая систематическая история Армении призвана выявить генезис армянского народа и создать повествование, позволяющее проследить историю армянских царей и князей и сопоставить ее с данными Ветхого Завета – вплоть до Вавилонского столпотворения. Из-за недостатка письменных источников историограф опирается на мифы и легенды. Метатексты (рассуждения о достоверности источников, целях написания истории, приоритеты историографа при отборе событий) позволяют выявить принципы конструирования дискурса. Исторический контекст произведения (времена упадка

© Золян С. Т., 2024

Армянского царства) предопределяет метанарративный паттерн («потерянный рай») и трагический пафос повествования. «История» заканчивается «Плачем», а завершение повествования знаменует конец истории.

Ключевые слова

национальная история, историческая память, «История Армении» Мовсеса Хоренаци, нарратив, метанарратив

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Комитета по науке РА в рамках исследовательского проекта № 21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности»

Для цитирования

Золян С. Т. Механизмы конструирования национальной истории и исторической памяти в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 32–63. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-32-63

Mechanisms of Constructing National History and Historical Memory in Movses Khorenatsi's "History of Armenia"

Suren T. Zolyan

Russian – Armenian University
Yerevan, Armenia

surenzolyan@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4422-5792

Abstract

The creation of national histories is considered to be a characteristic feature of modernity, associated with the processes of creating national states. These narratives intend to trace the origins of the nation to mythologized antiquity and legitimize the existence of the nation-state. Meanwhile, "History of Armenia" by Movses Khorenatsi shows that similar narrative practices could have arisen even in the early Middle Ages. It is assumed that in addition to the historical context, the principles of historical narration and semantization apply, which give meaning to the events described. Historical memory represents the past by some semiotic tools: narratives, symbols, myths, etc. Thus, the first systematic history of Armenia is intended to reveal the genesis of the Armenian people and to create a narrative that makes it possible to trace the history of Armenian kings and princes and compare them with the data of the Old Testament, up to the Tower of Babel. Due to the lack of written sources, the historiographer relies on myths and legends. Metatexts (arguments about the reli-

ability of sources, the goals of writing history, the historiographer's priorities in the selection of events) allow us to identify the principles of discourse construction. The historical context of the work (the times of the decline of the Armenian kingdom) predetermines the metanarrative pattern (“paradise lost”) and the tragic pathos of the narrative. The “History” ends with “Lamentation,” and the end of the narrative marks the end of the History.

Keywords

national history, historical memory, Movses Khorenatsi’s “History of Armenia” narrative, meta-narrative

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the RA Science Committee within the framework of the research project no. 21AG-6C041 “Cognitive, communicative, and semiotic mechanisms of the formation of historical memory and national identity”

For citation

Zolyan S. T. Mechanisms of Constructing National History and Historical Memory in Movses Khorenatsi′s “History of Armenia”. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 32–63. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-32-63

Введение

Мы рассмотрим две существенно отличающиеся проблемы: особенности построения национальных историй, модальные семантические характеристики исторического дискурса, и обратимся к первичным нарративным характеристикам «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.). Такое сочетание разнородных тем объясняется следующим. Создание национальных историй принято считать характерной чертой современности, связанной с процессами образования национальных государств. Эти истории призваны проследить происхождение нации до мифологизированной древности и легитимировать существование национального государства. Между тем «История» Хоренаци показывает, что подобные нарративные практики могли возникнуть в раннем Средневековье. Мы полагаем, что объяснение этому феномену может быть найдено, если отделить изменчивые политические и социокультурные контексты нарративов от характеристик текстов, в которых манифестируются относительно устойчивые базовые семантические структуры исторической наррации. Во-первых, это модальные, временные и причинно-следственные характеристики и своеобразное взаимодействие между ними. Такой подход позволяет по-новому интерпретировать этот классический текст армянской историографии

и соотнести его с современными нарративными практиками нациестроительства. Соответственно, мы обратимся к нарративным характеристикам национальных историй; а далее, используя эту методологическую основу, эксплицируем основные смысловые структуры «Истории» Мовсеса Хоренаци.

1. Нация есть наррация…

Конструирование национальной истории и общенациональной исторической памяти связано с эпохой модерна, когда окончательно сформировалось понятие нации и национального государства. История, идущая из глубокого прошлого, становится обязательным атрибутом национального государства; она должна узаконить его возникновение и существование и обеспечить связь с его чуть ли не допотопным прошлым. Это было отмечено Эрнстом Ренаном в его ставшей классикой лекции «Что есть нация» [Renan, 1990] (первоначально – 1882); в 1980–1990-е гг. этот подход стал определяющим в политической философии и историографии [Hobsbawm, 1991; Gellner, 1996; Anderson, 1992; Smith, 1995]. Современная нация мыслится как результат определенной конструкции, одним из главных инструментов и компонентов которой является история:

> Национальная история, таким образом, служит оправданием существования, своеобразия, а часто и величия нынешнего национального государства. Для тех, кто стремится к государственности, история служит легитимизацией этого желания. Апелляция к истории как к легитимации особенно интенсивна во времена быстрых социальных перемен, внутренних конфликтов, революций, гражданских войн или войн, когда мы сталкиваемся с наибольшей концентрацией попыток «описать нацию» назад во времени, создать предысторию настоящего и сконструировать традиции [1] [Berger, 2015, p. 4].

Конструктивистский подход обусловливает целое направление междисциплинарных исследований. Были описаны многочисленные случаи создания и воссоздания национальных историй в XIX–XX вв. Распад колониальной системы, затем СССР и Югославии привел к образованию новых государств и историй. Было осуществлено несколько крупных международных научных проектов, главным из которых стала пятилетняя программа *Representations of the Past: The Writing of National Histories in*

[1] Здесь и далее перевод мой. – *С. З.*

Nineteenth and Twentieth Century Europe, 2003–2008 («Представления прошлого: написание национальных историй в Европе XIX и XX веков», 2003–2008 гг.), финансируемая Европейским научным фондом. После его успешного завершения он породил новые связанные исследовательские программы. С этим проектом тесно связаны серия научных книг *Making Sense of History Studies in Historical Cultures* («Осмысление исторических исследований в исторических культурах» (издательство Berghahn Books; с 2002 г. вышло уже сорок семь томов этой серии) и восьмитомная книжная серия *Writing the Nation* (издательство Palgrave Macmillan, в 2008–2015 гг.).

Безусловно, помимо изучения политического и социокультурного контекстов особое значение приобрело выявление инструментария конструирования истории и семиотических форм ее репрезентации. Благодаря такому подходу вопрос повествования стал рассматриваться как один из первичных механизмов создания истории, а значит, и нации. Одним из руководителей и участников вышеупомянутого проекта было сказано (со ссылкой на [Bhabha, 1990]):

> Нация – это наррация. Истории, которые мы рассказываем друг другу о нашей национальной принадлежности и бытии, составляют нацию. Эти истории меняются во времени и пространстве и всегда оспариваются, часто насильственно. Немногие парадигмы в области культурного смыслопроизводства были столь же мощными, как национальная, и значительное влияние национализма как идеологии и социального движения в современном мире свидетельствует о его непреходящей и глобальной востребованности [Berger, 2008, p. 1].

Статья *Narrating the Nation* [Bhabha, 1990] стала методологическим ориентиром для ряда исследований, составивших одноименную коллективную монографию [Berger et al., 2008]. Однако нарратив как таковой не стал основным объектом обсуждения. Между тем сам Бхабха настаивал на раскрытии всего смыслового потенциала понимания нации как процесса и результата повествования, и этот потенциал далеко не ограничивается политическими и социально-экономическими факторами:

> Народы, как и нарративы, теряют свои истоки в мифах времени и полностью осознают свои горизонты только в воображении. Такой образ нации – или повествование – может показаться невероятно романтичным и чрезмерно метафоричным, но именно из этих традиций политической мысли и литературного языка нация возникает как мощная историческая идея на Западе. Но в пылу политических споров «удвоение» знака часто удается остановить.

> Янусоподобный лик идеологии принимается за чистую монету, а его значение фиксируется в конечном счете по одну сторону водораздела между идеологией и «материальными условиями». Проект *Нация и повествование* заключается в том, чтобы исследовать амбивалентность языка как такового в конструировании дискурса нации с ликом Януса. Это превращает знакомого двуликого бога в фигуру невероятного удвоения, которая исследует национальное пространство в процессе артикуляции элементов: где значения могут быть частичными, потому что они находятся medias; и история может быть наполовину сделана, потому что она находится в процессе создания [Bhabha, 1990, p. 1, 3] [2].

Изучение различных случаев показывает, что нарративы и нарративные практики создают историческое прошлое и формируют историческую память. Это привело к изменению точки зрения на историка: из объективного наблюдателя, каким его привычно было считать раньше, он превращается в нарратора и мифотворца:

> Недавнее доминирование конструктивистской школы в исследованиях национализма усилило наше осознание той роли, которую историки сыграли в конструировании мифов о народах. Через национальную историю они создавали специфическую форму исторической репрезентации, которая сопровождала формирование национального государства или стремилась повлиять на существующие самоопределения национального сознания. Они сформировали множество национальных основных нарративов, которые находились внутри и сами были частью культурных и политических отношений власти [Berger, 2008, p. 5].

[2] Приведем в оригинале: «Nations, like narratives, lose their origins in the myths of time and only fully realize their horizons in the mind's eye. Such an image of the nation – or narration – might seem impossibly romantic and excessively metaphorical, but it is from those traditions of political thought and literary language that the nation emerges as a powerful historical idea in the west... But in the heat of political argument the 'doubling' of the sign can often be stilled. The Janus face of ideology is taken at face value and its meaning fixed, in the last instance, on one side of the divide between ideology and 'material conditions'. It is the project of *Nation and Narration* to explore the Janus-faced ambivalence of language itself in the construction of the Janus-faced discourse of the nation. This turns the familiar two-faced god into a figure of prodigious doubling that investigates the nation-space in the process of the articulation of elements: where meanings may be partial because they are in medics res; and history may be half-made because it is in the process of being made» [Bhabha,1990, p. 1, 3].

Во многих случаях такие нарративы не основаны на источниках, а напоминают художественные тексты, в которых гипотеза уступает место вымыслу. При этом в некоторых случаях эти нарративы утверждают, что реконструкция прошлого основана на достоверных источниках, которые ранее не были известны или скрывались злонамеренными соседями [3] (эти случаи были проанализированы в [Geyer, 1989; Sethi, 1999; Smith, 2003; Wang, 2007; Lorenz, 2008; Berger, 2007a; 2007b; Berger, Lorenz, 2008; 2010; Rigney, 2008]). При всем многообразии их можно свести к метанарративной модели:

> Нации артикулируются через истории, которые люди рассказывают о себе. Повествование чаще всего представляет собой рассказ о происхождении и преемственности, часто включающий в себя жертвы и мученичество, но также славу и героизм. Национальная история – это история преемственности, древности истоков, героизма и былого величия, мученичества и жертвенности, виктимизации и преодоления травмы. Это история расширения прав и возможностей народа, реализации идеалов народного суверенитета. В то время как в одних случаях национальная история рассматривается как развитие, направленное к реализации, в других она представляется как упадок и вырождение в сторону от надлежащего развития. За пределами специфических нарративов конкретных наций существует метанарратив или дискурс нации, совокупность идей и представлений, которые окружали означающее «нация» в наше время (примерно после 1750 года) [Suny, 2001, p. 870].

Однако такой временной порог не может быть абсолютизирован. Конечно, понятие «нация», сформировавшееся в Новейшее время, сильно отличается от своего предыдущего «*означающего*». Тем не менее, аналоги современной концепции нации можно найти в «Историях», созданных как в древности, так и в Средневековье:

[3] Ср.: «Даже при самом беглом исследовании можно легко установить, что многие из давно ушедших государств или обществ, за которые ухватились современные националисты в своем стремлении к исторической легитимности, на самом деле имеют мало или вообще ничего общего в культурном, демографическом или лингвистическом отношении со своими потенциальными историческими потомками. Такие ложные претензии на непрерывную цепь исторической преемственности, где нет никакой очевидной связи, называются формой «примордиализма» – одной из наиболее распространенных черт национализма и одной из наиболее легко высмеиваемых» [Roshwald, 2006, p. 2].

> Национальные истории были написаны гораздо раньше, и в некоторых частях Европы их действительно можно проследить до Средневековья. Многие тропы, образы и сюжетные линии, характерные для современной национальной истории, в равной степени можно найти и в их ранних вариантах. Важные дебаты в исторической лингвистике, истории литературы и культуры выдвинули на передний план подобный «национализм до национализма» <...> Поэтому не имеет смысла настаивать на непроницаемых границах, отделяющих раннюю современную национальную историю от новейшей, и именно по этой причине в начале следующей главы мы начинаем с раздела, прослеживающего их долгую историю от Средневековья до наступления Нового времени [Berger, Conrad, 2015, p. 6, 13].

Тем не менее, отмечая такое различие, ведущие специалисты оговаривают, что сходство отдельных элементов не должно заслонять глубокие различия, обусловленные диахроническим контекстом [Roshwald, 2006, p. 5]. Имея в виду эту предпосылку, мы, тем не менее, хотим продемонстрировать, что ситуация может оказаться иной, если мы обратимся от контекстов к текстам, от обстоятельств повествования к его содержанию и механизмам. Тогда можно выявить соответствия между целостной системой повествования как сотворением отечественной истории.

Может показаться странным, что лишь в последнее время появляются точки соприкосновения между описанным выше конструктивистским подходом и другим влиятельным направлением в философии истории – так называемым нарратологическим направлением (иногда его обозначают терминами *лингвистический поворот, дискурсивный поворот*, *постмодернистская философия истории*). Это направление активно развивается с 1970-х гг. [White, 1973; 1987; Barth, 1981; Ankersmit 1983; Domanska, 1998]. Она также опирается на методологию конструктивизма и рассматривает нарративные и текстуальные стратегии как основные факторы создания, репрезентации и интерпретации исторических текстов. Однако теоретики конструкционизма, как правило, не принимали во внимание основные понятия своих коллег-нарратологов. Его видные представители недавно и сами это признали:

> Мы наблюдали заметный дисбаланс между широкими теоретическими дискуссиями об истории и нарративе, с одной стороны, и весьма ограниченным числом эмпирических попыток анализа нарративных стратегий историков, с другой. Теперь пришло время проверить, насколько далеко заходят теоретические утверждения о нарративе в истории, – особенно те, которые сформулированы Уайтом, такие как конструирование временного начала, середины и конца, конструирование сюжета, а также претензии постнарра-

> тивной теории относительно истины и объективности [Berger, Lorenz, 2021, p. 334].

Не очевидно, какие модели и стратегии исторического нарратива являются базовыми и универсальными. Так, в [Berger, Lorenz, 2021, p. 334–341] в дополнение к заимствованным у нарратологов было добавлено еще семь характеристик. Этот список может быть дополнен в результате изучения новых случаев. Тем не менее, все особенности можно рассматривать как конкретизацию общего принципа:

> Исторический нарратив привязан к медиуму памяти. Она мобилизует опыт прошедшего времени, который запечатлен в архивах памяти так, что становится понимаемым опыт настоящего и возможным – ожидание будущего [Rüsen, 2005, p. 11].

Этот общий принцип может быть выражен в различных формах и представлен в различных текстах и контекстах. Каждый из этих случаев обязательно приводит к существенному уточнению общей модели. Мы намерены продемонстрировать это на примере «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Что придает этому тексту особое значение как объекту изучения, так это то, что «История» демонстрирует, что не только отдельные элементы, но и целостные, системные практики наррации как нациестроительства, о которых говорят современные теоретики конструктивизма, появились гораздо раньше 1750 г. По крайней мере, армянская средневековая историография демонстрирует, что уже в раннем Средневековье можно найти подобный случай создания национальной истории при использовании сопоставимых механизмов. Не оспаривая связь подобных нарративных практик с политическим контекстом нового времени формирования национальных государств, мы намерены продемонстрировать, что в древности можно обнаружить нарративные и текстуальные аналогии. При всех своих особенностях рассматриваемый нами случай в целом совпадает с нарративными практиками и стратегиями Нового времени. Историограф Мовсес Хоренаци, к «Истории» которого мы намерены обратиться, прямо заявил о своей цели – реконструировать историю Армении и армян с самого начала и легитимировать существование нации (см. ниже). Объект нашего исследования позволяет выявить как общие характеристики, так и особенности. В то же время различия могут быть отнесены к контексту создания этого текста, в то время как общие характеристики детерминированы механизмами текстуализации. Далее мы представим наше видение основных модально-семантических особенностей историче-

ского нарратива (модальная семантика, или теория возможных миров, до сих пор минимально использовалась в области теории и философии истории, хотя активно развивалась применительно к литературным нарративам); затем проанализировать текстовые стратегии создания истории Армении и армян.

2. Слагая прошлое: Мовсес Хоренаци и его «История»

2.1. «История» как «Свидетельство о рождении» нации

Попытаемся продемонстрировать вышеперечисленные теоретические наблюдения на примере «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Это уникальный случай порождения истории и одновременно рефлексия над этим процессом. Армянская историография представляет в этом отношении примечательный, если не уникальный случай. Ряд ее памятников позволяет зримо увидеть рождение истории из различного рода не-исторических текстов (устной истории, мифов, легенд, песен). Первые исторические памятники появляются только в V в., несмотря на значительный предшествующий период существования армянского государства (по различным оценкам – от III или IV тыс. до н. э.). Первые «Истории» описывают наиболее значительное с точки зрения вселенской истории события – принятие армянами христианства (Агатангелос); текущую борьбу с зороастрийским Ираном за сохранение христианской веры (Егише, Казар Парпеци), а также текущие события, часто основанные на устных нарративах (Фавстос Бюзанд). Во всех этих текстах авторы выступают как очевидцы или даже участники описываемых событий. Однако только Мовсес Хоренаци поднимает вопрос об истории Армении как целостной истории в ее связи с мировой историей, синхронизируя ее с наиболее влиятельной версией того времени, изложенной в Библии [4].

[4] Мы оставляем за скобками дискуссию о датировке создания «Истории» и принимаем наиболее распространенную армянскую точку зрения, согласно которой она была создана в V в., но в то же время содержит интерполяции более поздних времен (см.: [Малхасян, 1997]). Полноценное представление противоположной точки зрения можно найти в [Thomson, 1978]. Для нас наиболее актуально, что вся дальнейшая армянская историография базируется на метанарративе, созданном Мовсесом Хоренаци.

Приведем свидетельство академика С. Малхасяна, в обобщенном виде представляющее принятую точку зрения:

> Хоренаци был первым, кто написал систематическую историю армянского народа от начала до своего времени… Это было свидетельством о рождении для нашего народа, который до того не знал, кто он такой и каково его происхождение. Связав происхождение армянской нации с Библией, породив армян из рода Яфета, он создал для армянской нации почетное место в ряду других древних народов [Малхасян, 1997, с. 33].

Именно поэтому в армянской традиции Мовсес Хоренаци считается наиболее авторитетным автором, его почтительно называют *Отцом истории* (*Պատմահայր*), а также *Отцом сочинителей* (*создателей*) (*Քերդողահայր*). Это, кстати, показывает, что сочинитель и историк, как и предполагал Аристотель, могут быть совмещены в одном лице. Современные исследователи уже с новых методологических позиций подтверждают подобную характеристику:

> В наборе характеристик, которыми оперируют конструктивисты, как известно, история – одна из важнейших. В нашем случае такая роль выпала «Истории» Хоренаци. Это сочинение стало моделью, которой руководствовались последующие историки, а за Хоренаци утвердилось в настоящее время имя «отца армянской истории», поскольку его труд, в отличие от историографических сочинений того периода, давал целостную картину истории армян и Армении от начала времен до его времени [Абрамян, 2011, с. 106].

Не были оставлены без внимания и нарративные аспекты. Критический анализ источников «Истории» непосредственно выявил ее связь с механизмами и текстами культурной памяти. При этом сходство наррации «Истории» с дискурсивными практиками конструктивизма было выявлено намного раньше самого конструктивизма. Так, еще в XIX в. Мкртич (Никита) Эмин показал, что описание древней и средней истории Армении (см. ниже) произведено на основании не иноязычных письменных источников, а армянского эпоса, дошедшего до нас благодаря Хоренаци [Эмин, 1881]. Эта точка зрения укоренилась в арменистике, и история древнеармянской литературы дописьменного периода основывается почти исключительно на преданиях, изложенных Хоренаци [Абегян, 1948].

С точки зрения описания техники наррации и выявления интертекстуальных связей крайне интересно исследование Григория Халатьянца [1896]. Оно посвящено критике источников Хоренаци. В результате этого анализа Хоренаци представлен не как историк, излагающий известные ему

факты, а как писатель, использующий техники мифопоэтического письма XX в. Халатьянц считает, что автор «Истории» – искусный мистификатор, писатель конца VIII – начала IX в., который действует как поэт-мифотворец: он на основе книжных источников и достаточно вольных этимологий, преимущественно связанных с топонимами, сам сочиняет народные легенды и песни, а затем, используя эвгемерический метод аллегорического толкования, на основе им же сочиненных легенд «реконструирует» исторические события [5]. Тем самым Халатьянц в своем подходе, впоследствии названном гиперкритицизмом, по сути описал технику, которую можно охарактеризовать как гиперконструктивизм. Оставляя в стороне текстологические и историографические аспекты, заметим, что эти и подобные им исследования источников и реминисценций, хотя и не имели подобной задачи, выявили связь между механизмами наррации, с одной стороны, и конструирования исторической памяти, с другой, продемонстрировав возможность конструктивизма как техники наррации до появления конструктивизма как социальной теории. Если говорить об исследованиях последнего времени, то в них объектом исследования становятся уже сами модусы толкования и наррации. Так, исследования Ромика Кочаряна посвящены герменевтике «Истории» [Kocharyan, 2016; 2018]. Особо следует отметить цикл статей Альберта Степаняна, собранных в [Stepanyan, 2021], где одна из целей – рассмотреть «Историю» «как нарративное единство (систему) и тем самым попытаться вскрыть ее глубинные семантические и семиотические пласты» [Ibid., p. 22].

Первая систематическая история Армении призвана раскрыть происхождение армян и создать нарратив, позволяющий проследить историю армянских царей и князей и сопоставить их с данными Ветхого Завета. «История» состоит из трех частей – из начальной, легендарной генеалогии армян, Средней истории Армении и завершения армянской истории. В предисловии Мовсес обращается к своему покровителю, князю Багратуни. Он хвалит своего патрона за его инициативу и осуждает предыдущих

[5] Ср.: «Аллегория у Хоренаци – это искусственная верификация легенды, внесенная самим историком, в подражание высоко ценимым им греческим мифам… Гохтанские же певцы нужны были историку, чтобы в их уста вложить собственные толкования, в качестве аллегории [Халатьянц, 1896, с. 321].

царей и князей за то, что ни один из них не оставил письменных свидетельств. Здесь же он формулирует цель своего труда [6]:

> Не хочу оставить без упоминания и порицания нелюбознательный нрав древних наших предков, но здесь же, в начале нашего предприятия, произнесу по их поводу слова осуждения… Но я поражаюсь плодовитости твоего ума; от начальных наших родов и до нынешних ты оказался единственным, способным предпринять столь важное дело и предложить нам взяться за исследование – в большом и полезном труде достоверно изложить историю нашего народа, (рассказать) о царях и нахарарских родах и домах, об их происхождении, о деяниях каждого из них, о том, какие из получивших известность родов местные, нашего племени, а какие – пришлые, укоренившиеся здесь и слившиеся с нашим племенем, (словом), описать все времена и события от поры беспорядочного столпотворения до нынешнего дня (ч. 1, гл. 3).

«История» Хоренаци состоит из трех частей. Различие между первыми двумя и третьей частью хорошо укладывается в предложенное Ассманом разграничение между культурной памятью, отсылающей к институциональным текстам и артефактам, и памятью коммуникативной, основанной на свидетельствах очевидцев [7]. С точки зрения исторической глубины описываемых событий первые две части относятся к культурной памяти, поскольку описываемые события отстоят от Хоренаци на тысячелетия (первая часть) и столетия (вторая часть), тогда как третья начинается

[6] Цитаты приводятся по переводу академика Гагика Саркисяна [Хоренаци, 1990], с указанием части и главы.

[7] Ср.: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай – память поколения. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ней, точнее, со своими носителями… Культурная память, в отличие от коммуникативной, есть дело мнемотехники, для которой в обществе существуют специальные институты. Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошло е скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание… Мифы также суть фигуры воспоминания. В этом миф и история не отличаются друг от друга. Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. В культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. Миф – это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Ассман, 2004, с. 53–55].

с момента принятия христианства – начало IV в., от которого Мовсеса отделяют сто пятьдесят лет. Первая часть представляет дошедшую посредством устных сказаний и песен мифологическую историю Армении. При этом Библия становится концептуальной основой, которая объясняет как появление армян и Армении, так и прекращение Армянского царства. Следуя Библии, Хоренаци увязывает разделение человеческого рода с Вавилонским столпотворением. Соответственно, в начале «Истории» описано происхождение армян в Вавилоне и их исход, а также борьбу с языческими правителями. Вторая часть представляет собой сочетание эпоса и определенных исторических данных, когда исторические личности выступают как эпические герои. Вторая часть также является эпическим повествованием, а Хоренаци воспроизводит фольклорные модели, хотя используются имена реальных царей. Третья часть посвящена описанию событий, произошедших после принятия христианства (301 г. н. э.), вплоть до гибели Армянского царства, о чем историограф мог иметь достоверные сведения. Новейшая для него история предстает как описание перманентных столкновений между царями и князьями, постоянного предательства, нежелания следовать советам армянских святых патриархов (Григория, Нерсеса, Саака), восстановление языческих обычаев. Древнеармянское «Պատմութիւն Հայոց» допускает двоякое толкование, и эта двойственность не только лингвистическая, но и содержательная: первые две части – это скорее история армян, наиболее видных вождей и царей, тогда как третья часть – это история Армении, Армянского царства в один из наиболее драматических его периодов. Историограф располагал достоверными сведениями об этих событиях и, обращаясь к своему патрону, специально упомянул об этом во вступлении к третьей части. Это вступление особо показательно; в описании содержания трех частей (Книг) можно увидеть разграничение между разными типами исторической памяти:

> Записи о древности в нашей стране не велись, и из-за краткости времени нет возможности пройтись по всем греческим (трудам) <…> Впрочем, мы, насколько хватило радения и памяти, достоверно рассказали о весьма ранних и отдаленных временах, начиная с Александра Великого и вплоть до кончины святого Трдата. Поэтому ты не будешь стыдить нас и ругать, ибо теперь я расскажу тебе без ошибок всё случившееся в наше время или немного раньше, изложив в Третьей книге то, что (произошло) после святого Трдата и до отрешения рода Аршакуни от царствования и семени святого Григора от первосвященничества (ч. 3, гл. 1).

Первая часть основана на греческих источниках, вторая – *на памяти и радении*; в третьей, описывающей *всё случившееся в наше время или немного раньше*, сам Мовсес выступает как источник и очевидец.

2.2. Открывая нацию

История Армении, согласно Хоренаци, предстает как текст, который имеет начало и конец. Начало задано метанарративом, Священной историей:

> Начну же я с того, с чего начинают другие, пребывающие в лоне церкви и во Христовой вере, считая лишним повторять легенды языческих писателей о начале и (прибегая к ним) лишь для последующего – для известных времен и мужей, в отношении которых с ними сходится и Святое Писание, пока неизбежно не доберемся до языческих историй; но и из них мы позаимствуем лишь то, что сочтем достоверным (ч. 1, гл. 3).

Реконструкция истории Армении осуществляется как развертывание текста и комментируется в самом тексте. Выделение и описание произошедших событий подчинено идеологическому каркасу, заданному в предисловии:

> Ибо хотя мы и небольшая грядка, и числом очень ограничены, и обделены могуществом, и многократно бывали покорены другими государствами, но ведь и в нашей стране свершено много подвигов мужества, достойных быть письменно увековеченными, которые, однако, никто из них (прежних царей и князей) не позаботился записать в книги (ч. 1, гл. 3).

Отсутствие письменных армянских источников Мовсес Хоренаци старается компенсировать обращением к иноязычным работам (греческим, ассирийским, еврейским), но это могло помочь только отчасти. Поэтому Хоренаци при подчеркнутом недоверии к фольклору при описании далекого прошлого вынужден основываться на устных преданиях. Безусловно, историческая память о событиях полутора- или двухтысячелетней давности принимала форму мифологизированных преданий или же эпоса. Рефлексия над собственным творчеством находит отражение в самом тексте, когда Хоренаци размышляет о достоверности тех или иных сведений. Конструирование национальной истории осуществляется непосредственно в тексте – Хоренаци обсуждает различные версии и обосновывает свой выбор того, что он считает достоверным. Логично, что начальная история Армении предстает как эпос, в котором герои-прародители защищают свой род, строят города, заботятся о народе и т. д. Героем-прародителем

оказывается Айк, который ушел от злого великана Бела из Вавилона в Арарат, – Хоренаци сохраняет имя вавилонского верховного божества, хотя одновременно идентифицирует его с упоминаемым в Библии царем Немродом. Бел пытается силой вернуть Айка и его род в Вавилон. Однако в битве с Белом Айк побеждает Бела и основывает Армению (Хайк):

> Страна же наша, по имени нашего предка, называется Хайк (ч. 1, гл. 11).

История Армении, по мнению Хоренаци, предстает как текст, имеющий начало и конец. Современный ему период падения Армянского царства и патриархата описывается как конец истории. Контекст написания (времена упадка Армянского царства) предопределяет повествовательную схему («потерянный рай») и трагический пафос. «История» заканчивается Плачем. Окончание повествования знаменует собой конец истории:

> Но да остановится здесь мое слово, утомленное тем, что было обращено к ушам мертвецов (ч. 2, гл. 92) [8].

Третья, последняя глава, заглавие которой можно перевести как *Конец истории* (в переводе Г. Саргсяна *Заключение истории нашего отечества*, буквально – завершающая речь, эпилог). Современный Хоренаци период, падение Армянского царства и патриархата, есть и конец истории, и эпилог книги (читатели «Истории» не задавались вопросом, принадлежит это заглавие самому Мовсесу или же было добавлено позднейшими переписчиками).

2.3. Построение нарратива: Хоренаци о своих источниках

Как бы разграничивая функции писателя и историка, Хоренаци выдвигает «правдивость повествования» как основной критерий, по которому должен оцениваться его труд:

> Изложу я эту историю общедоступным языком, чтобы люди как можно чаще и без устали брались за чтение истории нашего отечества, привлеченные не красноречием наших слов, а правдивостью нашего повествования (ч. 3, гл. 1).

Рефлексия над своим повествованием, размышления о достоверности источников и пределах права на их редактирование отражены в самом тек-

[8] В переводе Томсона: “But here let this discourse cease, as [I am] weary of speaking to the ears of the dead” [Movses Khorenatsi’s *History of the Armenians*, 1978, p. 253].

сте. Хоренаци начинает с того, что констатирует драматизм ситуации, в которой оказался историограф: прежние цари и князья не оставили каких-либо записей даже о собственных деяниях, не говоря уже о своих предшественниках:

> …всем нам известно невежество наших царей и прочих предков в науках и незрелость их разума. Итак, если они не подумали даже о собственной пользе и не оставили миру памяти о самих себе, то есть ли нам смысл обвинять их и предъявлять им еще большие требования – (почему они не сделали этого) и в отношении прошлого? (ч. 1, гл. 3).

Как постоянно подчеркивает Хоренаци, его повествование достоверно, оно основано на фактах. Но эти факты не могут быть основаны на записях, которые «нелюбознательные» предки не удосужились после себя оставить. Поэтому Хоренаци вынужден использовать иноязычные источники, а вопрос достоверности ставится в зависимость от их авторитетности. Обращаясь к своему заказчику, князю Смбату Багратуни, Хоренаци ясно формулирует проблему и свой подход к ней:

> Итак, приступая, изложу тебе нашу (историю), указывая, откуда (берутся сведения) и как (она протекала). <…> Общеизвестно, что определение времен от начала до нас, особенно же – определение (рядов) потомков нахарарских родов трех сыновей Ноя является труднодостижимым и тяжким (делом), если к тому же пытаться рассмотреть их по отдельным векам. И тем более потому, что Божественное Писание, выделив свой собственный народ, отвергло прочие как презренные и недостойные упоминания на его страницах. Мы расскажем, начиная с них, в меру наших возможностей то достоверное, что мы нашли в древних историях, с нашей точки зрения, совершенно правдивых (ч. 1, гл. 5).

Осознавая все сложности, Хоренаци, однако, уверен в том, что все надлежащие сведения можно найти в архивах, надо только знать, где именно искать. Хоренаци эти архивы известны, это, с одной стороны, Ниневийский архив, с другой – Эдесса. Тем самым реконструкция прошлого – задача решаемая, необходимо найти и перевести эти записи, а трудности носят скорее технический характер:

> Начинаем повествовать тебе из пятой книги летописца Африкана, (сведения) которого подтверждают Иосиф и Ипполит и многие другие из греков. Ибо он полностью переложил всё, относящееся к нашим царям, в свитках архива Эдессы, то есть Урхи, каковые книги были перенесены сюда из Мцбина, и в храмовых историях из Синопы Понтийской. Пусть никто не со-

> мневается, ибо мы сами воочию видели этот архив, а кроме того тебе в этом может непосредственно быть порукой книга Евсевия Кесарийского «Экклесиастика», которую блаженный наш учитель Маштоц велел перевести на армянский язык. Если поищешь в Геларкуни, в области Сюник, то найдешь в тринадцатой главе первой книги свидетельство о том, что в эдесском архиве хранится (история) всех деяний наших прежних царей вплоть до Абгара и от Абгара вплоть до Брванда. Полагаю, что она сохраняется в том же городе (ч. 2, гл. 10);
>
> Из-за краткости времени нет возможности пройтись по всем греческим (трудам); нет под рукой и сочинений Диодора, дабы, придерживаясь его, мы без пропусков поведали главное и не осталось бы позабытым нами что-либо важное и полезное, достойное упоминания в нашей истории (ч. 3, гл. 1).

Обоснование достоверности сведений происходит путем указания на источник, поэтому в «Истории» много внимания уделено обсуждению достоверности информации тех или иных иноязычных источников. Так, этому целиком посвящена вторая глава первой части, которая так и называется: *О том, почему мы предпочли обратиться к греческим (источникам), хотя нашу историю легче вывести из халдейских и ассирийских книг.* Это вытекает из его грекофильских взглядов, о которых он прямо заявляет своему покровителю, который, как видно из многочисленных упреков Мовсеса Хоренаци, предпочитал иранские мифы [9]:

[9] В знак протеста против требований патрона Хоренаци не включает пересказ иранских мифов в Первую книгу, а помещает их в ее конце, как бы за текстом, со следующим комментарием, свидетельствующим о культурной пропасти, разделявшей князя и летописца, и видимо, современное ему армянское общество в целом: «Что за (странное) влечение у тебя к мерзостным и нелепым легендам о Бюраспи Аждахаке? Или ради чего ты занимаешь нас несуразными и нескладными персидскими былинами, а лучше сказать – небылицами… Что за нужда тебе в этих вздорных легендах, или же на что тебе эти бессмысленные и бездарные словосочетания? Разве это греческие легенды, изящные, гладкие и осмысленные, в коих под иносказаниями кроется истина? Но ты велишь объяснить их бессмысленность и придать образ безобразному. Скажу тебе снова: что за нужда тебе в них? И что за охота желать нежелательное и прибавлять нам работы? Но мы приписываем это влечение молодости твоих лет и недостаточной зрелости, и потому да будет исполнено и это желание твоего сердца. <…> Передаю их стародавние сказы, ими самими непонятные, вкладывая смысл в их бессмысленность, лишь бы это доставило тебе удовольствие или пользу. Но оцени меру нашего отвращения к этим словесам (по тому), что мы не удостоили включить упомянутые легенды ни в Первую

> Поэтому я не устану называть всю Грецию матерью и кормилицей наук. Сказанного достаточно, чтобы убедиться в необходимости для нас обращения к греческим историкам (ч. 1, гл. 2).

Однако «правдивость», верификация исторического повествования может быть достигнута путем указания на источники, признаваемые достоверными, тогда как применительно к истории Армении таковые отсутствуют. Тогда встает проблема: как может быть написана история, если отсутствуют свидетельства очевидцев? Мовсес Хоренаци пытается восполнить отсутствие письменных армянских источников, обращаясь к зарубежным трудам не только греческих, но и сирийских и иудейских авторов, но и это может помочь лишь частично. Размышления о собственных творческих интерпретациях и их границах отражаются в тексте, когда Хоренаци рассуждает о достоверности информации из тех или иных источников. Поскольку нет возможности какой-либо иной проверки, наличие письменных сведений оказывается единственным критерием достоверности, хотя и здесь нет уверенности, что эти сведения в процессе передачи не подверглись искажению:

> Я в немногих словах упомяну мнения, изложенные древними повествователями по поводу представленного нами выше, хотя и не могу здесь сказать, нашлись ли они все в таком виде в царских книжных хранилищах, или же каждый изменил имена, (содержание) рассказов и время по собственному усмотрению либо же по каким-либо другим причинам (ч. 1, гл. 6).

Повествование постоянно дополняется обсуждением достоверности источников, поскольку главный критерий, из которого исходит Мовсес, – достоверность его повествования, о чем он постоянно напоминает:

> Мы же поведаем только то, что точно известно, историю, придерживающуюся правды (ч. 2, гл. 70).

В некоторых случаях Мовсес, добиваясь достоверности повествования, считает нужным противоречить указаниям своего покровителя:

> По этим-то причинам мы поведем рассказ не о родах, учрежденных Тиграном Последним, как бы настоятельно ты ни просил нас об этом, а лишь о достоверно известных нам последующих. Ибо мы, сколь возможно, избегали излишних речей и прикрас и всего того, что придавало бы словам

изложенную нами книгу, ни в заключительную главу, а (приводим их) отдельно и обособленно» (ч. 1. Из персидских легенд).

> и мыслям неточность, и по мере сил следовали как в заимствуемом, так и в собственном только справедливому и истинному. Так же поступаю и здесь, удерживаясь от потока неуместных слов и от того, что может породить неправильные мнения. А тебя умоляю и теперь, как уже делал многократно, – не принуждай нас к излишнему и к тому, что скудостью или чрезмерностью слов может обратить весь наш большой и достоверный труд в напрасный и ненужный, ибо это нанесло бы вред равным образом и мне, и тебе (ч. 2, гл. 64).

Однако из-за недостатка письменных сведений историограф был вынужден прибегнуть также и к мифам, и к легендам. Несмотря на его подчеркнутое недоверие к фольклору, Хоренаци при описании далекого прошлого опирается на устные предания. Разумеется, историческая память о событиях, происходивших полторы-две тысячи лет назад, принимала форму мифологизированных легенд или эпоса. Хоренаци считает нужным сделать особую оговорку, снимая с себя ответственность за достоверность сообщаемого:

> Но чаще сказывают всё это старцы из Арамова племени на память в сопровождении игры на пандирне в песнях с представлениями и танцами. Ложь или правда в этих преданиях – нам до этого дела нет. Ведь я в этой книге привожу полностью всё: и то, что слышит ухо, и то, что написано в книгах, дабы ты знал всё и убедился в чистоте моих побуждений в отношении тебя (ч. 1, гл. 6).

Как видим, первая и вторая части «Истории» отличаются от третьей не только описываемым временем, но и модусом повествования. В третьей части Мовсес рассказывает то, что знает, в основном это речь от первого лица. Что касается первой и второй частей, то это косвенная речь, пересказ письменных и устных источников, данные которых лишь изредка поддаются проверке [10].

2.4. Метанарратив в нарративе

В своем повествовании Хоренаци комбинирует разные концептуальные фреймы. Одним из них является эллинистическая традиция с ее культом

[10] Мы оставляем в стороне вопрос об адекватности комментариев Хоренаци; он, как показали критики его текста, не всегда указывает свои источники, а в ряде случаев видоизменяет их. Полный обзор критического анализа источников Хоренаци дан в: [Movses Khorenatsi's *History of the Armenians*, 1978].

героев, поэтому одним из самых почетных эпитетов у него является сравнение выдающихся армян с Ахиллом и другими героями греческого эпоса:

> Трдат, поднявшись на ноги и действуя вазой для цветов как оружием, сгоняет сотрапезников с их кресел. Зрелище напоминало истребление поклонников Пенелопы неким новым Одиссеем или борьбу лапифов с кентаврами на свадьбе Перифоя (ч. 2, гл. 63);

> Он (царь Аршак. – *С. З.*) внешне выглядел отважнее и храбрее Ахилла, а на деле походил на хромого и остроголового Терсита. Он бунтовал против своих сюзеренов, пока не получил воздаяние за надменность (ч. 3, гл. 19).

Однако греческая мифология используется скорее как художественное обрамление повествования. Что касается содержательного метанарратива, то в этом отношении Хоренаци является хранителем христианского мировоззрения. Ключевым для него является идея возмездия за совершенные проступки и грехи. В целом происходящее основано, по мнению Хоренаци, на некоем равновесии между *миром* и *смутами*:

> Шапух вновь был потревожен теми же народами, а мир переместился в Грецию, согласно правилу, что (явления), изменяясь, меняются местами: миру у этих (соответствуют) смуты у тех и миру у тех – смуты у этих; конец одного служит началом другому (ч. 3, гл. 29).

Соответственно, совершенное зло не должно оставаться безнаказанным, поэтому используются аналогии с библейскими пророками, которые объясняли историю как проявление Божественного наказания [11]:

> Мы находим в божественных историях, что у еврейского народа после судий, во времена безвластия и смут, не было царя и каждый делал, что ему было угодно (Судей, 21:24), то же самое наблюдалось и в нашей стране (ч. 3, гл. 4).

[11] Уместно привести мысль Юрия Лотмана о том, как модус историчесого повествования приводит к осмыслению случайных событий как предопределенных: «Историк... строит последовательную линию, ведущую с максимальной достоверностью к этому решающему пункту. Этот момент, в основе которого лежит элемент случайности, прикрытый целым пластом произвольных допущений и квазиубедительных элементов причинно-следственной связи, приобретает под легким прикосновением историка почти мистический характер. В этом мы видим празднование божественного или исторического предопределения, несущее в себе концепцию, поддерживаемую всеми предыдущими процессами» [Лотман, 1992, с. 33–34].

Мысль о неотвратимости наказания за грехи, совершенные царями и князьями, становится главным объяснением событий, приведших к падению Армянского царства. Хоренаци прямо указывает на Библию как на источник своих стенаний и обвинений: это относится и к идеологии, и к стилю, и к лексике ее текста. Цитаты должны подтверждать божественный авторитет его критики:

> Поэтому я, оплакивая своих, скажу, как сказал Павел о своих и о врагах креста Христова, но скажу не собственными, но Святого Духа словами. Род ущербный и огорчающий, род неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим! Мужи Арамовы! Доколе быть вам жестокосердными, зачем вы полюбили суету и безбожие? Не постигаете ли вы, что Господь возвеличил своего святого и что Господь не услышит, когда вы воззовете к нему? Ибо вы ожесточились в грехопадении и на ложах своих не раскаиваетесь, ибо приносите незаконные жертвы, а уповающих на Бога презираете. Поэтому встретится вам капкан, который вы не распознаете, и попадете в этот капкан, и зверь, на которого вы будете охотиться, – схватит вас (ч. 2, гл. 92).

Отдельной заключительной главой книги является его «*Плач по поводу утраты Армянского царства*» (ч. 3, гл. 68). Падение царства и патриархата является следствием общей безнравственности, охватившей все слои армянского общества – от царей, князей и священников до простолюдинов. Библия становится понятийной основой, объясняющей как возникновение армян и Армении, так и прекращение Армянского царства, она позволяет связать героическое начало армянской истории и ее столь бесславный трагический конец. Поэтому слово библейских пророков должно быть наиболее адекватным описанием происходящих событий:

> Кто, разделив нашу печаль, примкнет к нам в речениях обо всем этом и, сострадая, поможет рассказать или начертать на камне? Восстань Иеремия, восстань, плачь и пророчествуй о бедствиях, которые постигли нас и которые еще предстоят нам! Предскажи появление невежественных пастырей, как некогда Захария (Зах. 11: 16) для Израиля! (ч. 3, гл. 68)

Семантика и стиль библейских пророков становятся основой для описания конца армянской истории:

> Что же служит пеней за всё это, как не пренебрежение со стороны Бога и изменение стихиями своих свойств? Засушливая весна, дождливое лето, морозная осень, суровая, вьюжная, нескончаемая зима, бурные, знойные, тлетворные ветры, грозовые, градоносные тучи, несвоевременные, бесполезные дожди, холодный, леденящий воздух, бесплодная прибыль и чрез-

> мерная убыль вод, оскудение плодов земли и убывание скота, к тому же еще трясения и колебания (земли). Сверх всего этого – смуты со всех сторон, согласно сказанному, что «нет мира нечестивцам» (Исайя, 57: 21). Ибо властвующие цари – жестокие и злобные, налагающие тяжкое бремя и издающие невыносимые приказы; управители – немиротворящие, безжалостные; друзья – изменившие, а враги – обретшие могущество; вера – проданная за суетную жизнь (ч. 3, гл. 68).

В свете вышеизложенного мы хотели бы оспорить точку зрения Томсона:

> Что примечательно в эксплицитной философии истории Моисея, поддерживаемой большей частью его повествования, так это отсутствие дидактического или морального отношения к урокам, которые можно извлечь из истории. В отличие от большинства армянских историков, Моисей не рассматривает историческое повествование как эссе о путях Божьих к людям. Он не отрицает общего провидения и цели Бога или Его призрения применительно к конкретным историческим событиям, но он не извлекает уроков нравственного поведения [Thomson, 1978, p. 9].

Это звучит довольно странно. Как видно из цитат, мысль о неотвратимости Божественного наказания за совершенные преступления выражена с предельной эксплицитностью. По мнению Хоренаци, это не только определяет судьбу Армянского царства, но и служит объяснением многим эпизодам современной ему истории [12]. Эта идея становится объяснительным

[12] Приведем без комментариев несколько примеров:

«Услышав это, Тиран, потерявши рассудок, отправился к нему, ибо преступление влекло его к месту расплаты. Шапух же, увидев его, стал порицать его перед лицом своих воинов и лишил его зрения, как это в древности случилось с Седекией (ср. 4Цар 25:7). Верно, это было отмщением за святого мужа, который просвещал нашу страну, будучи, по Евангельскому слову, светом мира (Иоанна 8:12), коего Тиран лишил Армении и сам погрузился во мрак, процарствовав одиннадцать лет» (ч. 3, гл. 17);

«Так, согласно проклятию Нерсеса, была взыскана невинная кровь Гнела с бесчестного Тирита, как и с Вардана, (которому довелось) умереть от руки родного брата» (ч. 3, гл. 25);

«Но его дед Тиран направил своему сыну Аршаку суровые порицания, за что по тайному приказу царя был задушен своими же постельничими и похоронен в том же аване Куаше, не удостоившись усыпальницы своих отцов. Верно, воздалось ему за мужа Божьего Даниела; какой мерой он мерил, такой и отмерено было ему, согласно Писанию» (ч. 3, гл. 22);

ядром, благодаря ей разрозненные события текущего (для Хоренаци) периода приобретают целостность. В целом мы видим, что действуют принципы текстуализации, т. е. представление единичных и случайных событий в виде регулярных и детерминированных паттернов. Помимо временных операторов, определяющих хронологию событий (ср.: «*Без хронологии нет подлинной истории*» – ч. 2, гл. 82), Хоренаци вводит и эпистемические – это оценка существовавших до него нарративов с точки зрения их достоверности, и деонтические – оценку самих событий с точки зрения христианских моральных норм или воинской этики. Начало и конец истории Армении – победа легендарного армянского вождя Айка и падение Армянского царства – создают сюжетную ось повествования и определяют его смысловые координаты. Различные нарративы, заимствованные из разнородных источников, объединяются в один нарратив о рождении и гибели нации. Целостность и связность этого нарратива определили его дальнейшую жизнь в армянской культуре – со времен Средневековья он служил метанарративом для последующей истории Армении, создавая устойчивую смысловую оппозицию между героическим легендарным прошлым и бесславным трагическим настоящим.

Заключение

Мы рассмотрели две весьма разных темы: вопросы, связанные с нарративными практиками конструирования нации, с одной стороны, и семантическую организацию текста «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, с другой. Наше исследование помогло выявить связь между этими разнородными явлениями. Можно утверждать, что нарративные практики нациостроительства зависят не только от политического и социального контекста Нового времени, но и могут быть осуществлены при иных обстоятельствах [13]. Рассматриваемый нами случай представляет особый ин-

«Но хотя они и не могли овладеть неприступной крепостью, однако гнев Божий тяготел над Аршаком и защитники крепости, не согласившись дожидаться вестей от Папа, добровольно, без принуждения, сдались» (ч. 3, гл. 35).

[13] Ср: «В не-западных странах, особенно в тех, которые имеют давние традиции написания историй, национальные нарративы будут играть важную роль в конструировании глобального прошлого, которое отличается от нарративов, преобладавших на Западе. Соответственно, несмотря на некоторую степень конфликта, появление глобальных нарративов не подавляет устоявшиеся национальные нарративы, а вместо этого дает им возможность говорить своими собственными словами

терес, поскольку позволяет проследить сам процесс создания национальной истории, который осуществляется именно как сознательный акт: историограф явным образом декларирует свои цели и способы их достижения, обсуждает свою практику работы с доступными источниками и включает эти метатексты в свое повествование.

При этом, несмотря на значимые отличия контекстов раннего Средневековья и Нового времени, основные структурно-семантические характеристики исторических нарративов оказываются наиболее устойчивыми и воспроизводятся аналогичным образом в различных контекстах. Манифестацию этого процесса можно увидеть при анализе «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Модальные характеристики, как то было показано Аристотелем, одновременно и объединяют, и разграничивают литературные и исторические нарративы. При этом действует логика текстуализации, обеспечивающая цельность и связность повествования. В то же время сама история предстает как текст, определяемый своими ключевыми смысловыми точками – началом и концом. Осмысленность истории предстает как целостность текста определяемой основными идеологическими схемами (метанарративами). История конструируется как компиляция различных источников, а сам конец повествования синхронизирован с концом истории. События подчинены сюжетной логике, определяемой заимствуемыми из Библии паттернами.

Список литературы

Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1948. Т. 1. 504 с.

Абрамян Л. Конструктивисты раннего средневековья: случай Армении // Антропология социальных изменений. М.: РОССПЭН, 2011. С. 87–115.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: ЯСК, 2004. 368 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.

Малхасян С. Введение // Мовсес Хоренаци. Патмутиун Айоц (История Армении / Армян. Ереван: Айастан, 1997. С. 3–63. (на арм. яз.)

и вкладывать свой собственный локальный опыт в глобальные нарративы, делая их более открытыми и инклюзивными» [Zhang Xu Peng, 2021, p. 260].

Халатьянц Г. А. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского: Опыт критики источников: В 2 ч. М.: Тип. В. Гатцук, 1896. Ч. 1: Исследование. 346 с.

Хоренаци М. История Армении / Пер. с древнеарм. яз., примеч. Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990. 291 с.

Эмин Н. Моисей Хоренский и древний эпос армянский. Исследование Н. Эмина, написанное по случаю V Археологического съезда в Тифлисе. М.: Тип. А. В. Кудрявцевой, 1881. 83 с.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London; New York: Verso, 1992. 240 p.

Ankersmit F. R. Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language. Kluwer; Boston: The Hague, 1983. 274 p.

Barthes R. The Discourse of History // Comparative Criticism. 1981. No. 3. P. 7–20.

Berger S. Introduction: Towards a Global History of National Historiographies // Berger S. (ed.) Writing the Nation. London: Palgrave Macmillan, 2007a. P. 1–29. DOI 10.1057/9780230223059_1

Berger S. National Myths in Europe // European History Quarterly. 2007b. Vol. 37 (2). P. 291–300. DOI 10.1177/0265691407075596

Berger S. Narrating the Nation: Historiography and other Genres // Berger S., Eriksonas L., Mycock A. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008. P. 1–16.

Berger S., Conrad C. The Past as History. National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 570 p.

Berger S., Eriksonas L., Mycock A. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008. 352 p.

Berger S., Brauch N., Lorenz C. (eds.). Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past. New York; Oxford: Berghahn Books, 2021. 366 p. DOI 10.1515/9781800730472

Berger S., Lorenz C. (eds.). The Contested Nation: Ethnicity, Class, Religion and Gender in National Histories. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 634 p.

Berger S., Lorenz C. (eds.). Nationalizing the Past Historians as Nation Builders in Modern Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 530 p.

Berger S., Lorenz C. Analysing Historical Narratives: Concluding Remarks // Berger S., Brauch N., Lorenz C. (eds.). Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past. New York; Oxford: Berghahn Books, 2021. P. 327–346.

Bhabha Homi K. Introduction: narrating the nation // Bhabha Homi K. (ed.) Nation and Narration. London; New York: Routledge, 1990. P. 1–7.

Domanska E. Encounters: Philosophy of History after Postmodernism. Charlottesville: Uni. Press of Virginia, 1998. xii + 293 p.

Gellner E. The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class // Gopal Balakrishnan (ed.). Mapping the Nation. London: Verso, 1996. P. 98–145.

Geyer M. Historical fictions of autonomy and the Europeanization of national history // Central European History. 1989. Vol. 22, no. 3–4. P. 316–342.

Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: UP/Canto, 1991. 206 p.

Kocharyan R. Patmutyuny ev hermenevtikan, girq 1, Movses Khorenatcu patmagitakan hayecakargy [History and Hermeneutics, vol. 1, Historical-Scientific Conceptions of Movses Khorenatsi]. Yerevan: Matenadaran, 2016. 703 p. (in Arm.)

Kocharyan R. Philosophy and Methodology of Definitions of History. WISDOM. 2018. No. 11 (2). P. 94–108. DOI 10.24234/wisdom.v11i2.214

Lorenz C. F. G. Drawing the line: "Scientific" History between Myth-making and Myth-breaking // Berger S. et al. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008. P. 35–55.

Movses Khorenatsi's *History of the Armenians.* Transl. and comment. on the Literary Sources by R. W. Thomson. Harvard Uni. Press, 1978. 408 p.

Renan E. What is a nation? Ed. by Homi K. Bhabha. London; New York: Routledge, 1990. 22 p.

Rigney A. Fiction as a Mediator in National Remembrance // Berger et al. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008. P. 79–96.

Roshwald A. The Endurance of Nationalism: Ancient Roots and Modern Dilemmas. New York: Cambridge Uni. Press, 2006. xii + 349 p.

Rüsen J. History, Narration, Interpretation, Orientation. Berghahn Books, 2005. 236 p. DOI 10.1515/9781782389675

Sethi R. Myths of the Nation: National Identity and Literary Representation (Oxford, 1999; online ed. 2011, October 3). DOI 10.1093/acprof:oso/9780198183396.001.0001

Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. Oxford; Cambridge: Polity, 1995. 211 p.

Smith A. D. Chosen peoples: sacred sources of national identity. Oxford Uni. Press, 2003. 360 p.

Stepanyan A. Khorenica: Studies in Moses Khorenatsi. Yerevan State Uni., 2021. 386 p.

Suny R. G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. No. 73. P. 862–896.

Thomson R. Introduction // Moses Khorenatsi's History of the Armenians. Transl. and comment. on the Literary Sources by R. W. Thomson. Harvard Uni. Press, 1978. P. 1–62.

Wang Q. E. Between Myth and History: the Construction of a National Past in Modern East Asia // Berger S. (ed.) Writing the Nation. London: Palgrave Macmillan, 2007. P. 126–154. DOI 10.1057/9780230223059_6

White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, MD, 1973. 448 p.

White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, MA: The John Hopkins University, 1987. 244 p.

Zhang Xu Peng. National Narratives in Chinese Global History Writing // Berger S., Brauch N., Lorenz C. (eds.). Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past. New York; Oxford: Berghahn Books, 2021. P. 259–280.

References

Abeghyan Mk. Istoriya drevnearmyanskoy literatury [History of Ancient Armenian Literature]. Yerevan, AS ArmSSR Publ., 1948, vol. 1, 504 p. (in Russ.)

Abrahamyan L. Konstruktivisty rannego srednevekov'ya: sluchay Armenii [Constructivists of the early Middle Ages: the case of Armenia]. In: Antropologiya sotsial'nykh izmeneniy. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, pp. 87–115. (in Russ.)

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London, New York, Verso, 1992, 240 pp.

Ankersmit F. R. Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language. Kluwer, Boston, The Hague, 1983, 274 p.

Assman J. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 368 p. (in Russ.)

Barthes R. The Discourse of History. *Comparative Criticism*, 1981, no. 3, pp. 7–20.

Berger S. Introduction: Towards a Global History of National Historiographies. In: Berger S. (ed.) Writing the Nation. London, Palgrave Macmillan, 2007a, pp. 1–29. DOI 10.1057/9780230223059_1

Berger S. National Myths in Europe. *European History Quarterly*, 2007b, vol. 37 (2), pp. 291–300. DOI 10.1177/0265691407075596

Berger S. Narrating the Nation: Historiography and other Genres. In*:* Berger S., Eriksonas L., Mycock A. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008, pp. 1–16.

Berger S., Conrad C. The Past as History. National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2015, 570 p.

Berger S., Eriksonas L., Mycock A. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn, Books, 2008, 352 p.

Berger S., Brauch N., Lorenz C. (eds.). Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past. New York, Oxford, Berghahn Books, 2021, 366 p. DOI 10.1515/9781800730472

Berger S., Lorenz C. (eds.). The Contested Nation: Ethnicity, Class, Religion and Gender in National Histories. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008, 634 p.

Berger S., Lorenz C. (eds.). Nationalizing the Past Historians as Nation Builders in Modern Europe. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2010, 530 p.

Berger S., Lorenz C. Analysing Historical Narratives: Concluding Remarks. In: Berger S., Brauch N., Lorenz C. (eds.). Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past. New York, Oxford, Berghahn Books, 2021, pp. 327–346.

Bhabha Homi K. Introduction: narrating the nation. In: Bhabha Homi K. (ed.) Nation and Narration. London, New York, Routledge, 1990, pp. 1–7.

Domanska E. Encounters: Philosophy of History after Postmodernism. Charlottesville, Uni. Press of Virginia, 1998, xii + 293 p.

Emin N. Moisey Khorenskiy i drevniy epos armyanskiy [Moses of Khoren and the ancient Armenian epic]. Moscow, A. V. Kudryavtseva Publ., 1881, 83 p. (in Russ.)

Gellner E. The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class. In: Gopal Balakrishnan (ed.). Mapping the Nation. London, Verso, 1996, pp. 98–145.

Geyer M. Historical fictions of autonomy and the Europeanization of national history. *Central European History*, 1989, vol. 22, no. 3–4, pp. 316–342.

Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, UP/Canto, 1991, 206 p.

Khalatyants G. A. Armyanskiy epos v "Istorii Armenii" Moiseya Khorenskogo: Opyt kritiki istochnikov [The Armenian epic in the "History of Armenia" by Moses Khorensky: Attempt to criticizing the sources]. In 2 pt. Moscow, V. Gatsuk Publ., 1896, pt. 1: Research, 346 p. (in Russ.)

Khorenatsi M. Istoriya Armenii [History of Armenia / Armenians]. Transl. from Old Armenian by G. Sargsyan. Yerevan, Hayastan Publ., 1990, 291 p. (in Russ.)

Kocharyan R. Patmutyuny ev hermenevtikan, girq 1, Movses Khorenatcu patmagitakan hayecakargy [History and Hermeneutics, vol. 1, Historical-Scientific Conceptions of Movses Khorenatsi]. Yerevan, Matenadaran, 2016, 703 p. (in Arm.)

Kocharyan R. Philosophy and Methodology of Definitions of History. *WISDOM*, 2018, no. 11 (2), pp. 94–108. DOI 10.24234/wisdom.v11i2.214

Lorenz C. F. G. Drawing the line: "Scientific" History between Myth-making and Myth-breaking. In: Berger S. et al. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008, pp. 35–55.

Lotman Yu. M. Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis, 1992, 272 p. (in Russ.)

Malkhasyan S. Vvedeniye [Introduction]. In: Khorenatsi Movses. Patmutiun Hayots [History of Armenia / Armenians]. Yerevan, Hayastan Publ., 1997, pp. 3–63. (in Arm.)

Movses Khorenatsi's *History of the Armenians.* Transl. and comment. on the Literary Sources by R. W. Thomson. Harvard Uni. Press, 1978, 408 p.

Renan E. What is a nation? Ed. by Homi K. Bhabha. London, New York, Routledge, 1990, 22 p.

Rigney A. Fiction as a Mediator in National Remembrance // Berger et al. (eds.). Narrating the Nation. The Representation of National Narratives in Different Genres. Berghahn Books, 2008, pp. 79–96.

Roshwald A. The Endurance of Nationalism: Ancient Roots and Modern Dilemmas. New York, Cambridge Uni. Press, 2006, xii + 349 p.

Rüsen J. History, Narration, Interpretation, Orientation. Berghahn Books, 2005, 236 p. DOI 10.1515/9781782389675

Sethi R. Myths of the Nation: National Identity and Literary Representation (Oxford, 1999; online ed. 2011, October 3). DOI 10.1093/acprof:oso/9780198183396.001.0001

Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. Oxford, Cambridge, Polity, 1995, 211 p.

Smith A. D. Chosen peoples: sacred sources of national identity. Oxford Uni. Press, 2003, 360 p.

Stepanyan A. Khorenica: Studies in Moses Khorenatsi. Yerevan State Uni., 2021, 386 p.

Suny R. G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations. *The Journal of Modern History*, 2001, no. 73, pp. 862–896.

Thomson R. Introduction. In: Moses Khorenatsi's History of the Armenians. Transl. and comment. on the Literary Sources by R. W. Thomson. Harvard Uni. Press, 1978, pp. 1–62.

Wang Q. E. Between Myth and History: the Construction of a National Past in Modern East Asia. In: Berger S. (ed.) Writing the Nation. London, Palgrave Macmillan, 2007, pp. 126–154. DOI 10.1057/9780230223059_6

White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, MD, 1973, 448 p.

White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, MA, The John Hopkins University, 1987, 244 p.

Zhang Xu Peng. National Narratives in Chinese Global History Writing. In: Berger S., Brauch N., Lorenz C. (eds.). Analysing Historical Narratives: On Academic, Popular and Educational Framings of the Past. New York, Oxford, Berghahn Books, 2021, pp. 259–280.

Информация об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Suren T. Zolyan, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 11.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024; *принята к публикации 10.03.2024*
The article was submitted on 11.02.2024;
approved after reviewing on 10.03.2024; *accepted for publication on 10.03.2024*